

Мес. Црвца - 1992 - 4 св. - с. 2, 4
(«Взгляд и др.»)

ВЗГЛЯД

Еженедельная
газета
телекомпании

ВИД

апрель 1992 • №12

Если Вы будете читать газету «ВИД» внимательно, не упуская из ВИДА ни одной детали (и останавливая на каждой свой ВЗГЛЯД), то Вы сможете в конце года принять участие в телевизионном конкурсе «Миллион». Более того, у Вас есть шанс этот самый миллион выиграть. Все будет по-честному. И очень круто.

«НЕ ПУТАЙТЕ МЕНЯ С ЛИМОНОВЫМ»

Имя Эдуарда Лимонова в первую очередь ассоциируется с отголосками какого-то скандала. Где-то что-то краем уха слышали: не то он гомик, не то шизик, не то засланный за бугор агент Кремля. Хотя журнал «Знамя» еще в 1989 году опубликовал его роман «У нас была великая эпоха», куда более известна вышедшая в России в конце 91-го года книжка «Это я — Эдичка», выдержавшая за четыре месяца четыре издания общим тиражом около миллиона экземпляров. А уж в «Эдичке» натуралистически выписанных сексуальных сцен, отборного русского мата, с помощью которого предпочитает изъясняться главный герой, — в избытке. Это, понятно, тоже работает на создание имиджа Лимонова — эдакого смутьяна и скандалиста. Дверь гостевой квартиры в доме на Герцена открыл сидящий мужчина среднего роста. Галантно помог избавиться от верхней одежды, предложил разуться: «У меня туфли чистые, а вы с улицы. Если бы вы были сегодня единственными гостями, а то ведь еще люди придут». — И добавил, словно извиняясь. — Кстати, в Швеции тоже в квартирах обувь снимают». Леша Азаров, фотокорреспондент, попытался что-то спросить: «Эдуард... э-э, извините, как ваше отчество?» Ответ последовал без задержки: «Амвросиевич». Пока Леша приходил в себя, я решил перехватить инициативу:

— А действительно, какое обращение вы предпочитаете — господин, товарищ, сударь?
— Мне больше нравится собственное имя — Эдуард.

ДЕТСТВО БОСОНОГООЕ МОЕ

— Родился я в 43-м году в Дзержинске Горьковской области. Отец мой был тогда солдатом, позже, окончив военную школу, стал офицером. Году в 47-м мы осели в Харькове. Я пришел в сознание в рабочем поселке, там провел детство, отрочество, юность. В 9 лет я уже убежал из дома, в 15 начал воровать. Чудом не загремел в тюрьму, с превеликим трудом закончил десятилетку. Это было нормально, типичная судьба пацана с окраины большого индустриального города. Дорога вела на завод или за решетку. В институт попали единицы. Поскольку я к ним не принадлежал, то оказался на заводе. Работал монтажником-высотником, потом сталеваром в литейном цехе, ну и так далее...

— В пока не изданном в России романе «Подросток Савенко» вы описываете Харьков 58-го года, рассказываете, как вместе с местной шпаной «бомбили» магазины, разбойничали. Причем в ваших устах это звучит совершенно естественно, будто речь об игре в футбол или походе в кино.

— Я в самом деле не вижу в этом ничего удивительного. Повторю, гораздо более странно, что не угодил в тюрьму, хотя, например, мой приятель Костя Бондаренко в 62-м году получил высшую меру наказания. Понимаете, для нас это были не преступления, а доказательства доблести. Началось все с того, что вместе с дружкой Вовкой Боксером я высадил витрину магазина и украл деньги, спиртное. После такие набеги стали повторяться. Мы совершенствовались, превращались в мастеров. Этим занятием я провалялся до 20 с лишним лет. Уже работал на заводе, даже на заводской доске почета висел. Видно, одно другому не мешало.

— А с правоохранительными органами у вас не было проблем?

— По мелочам. Конечно, стоял на учете в милиции, как все нормальные люди, получал по 15 суток. Подростком я много пил, меня несколько раз подбирали на улице, приносили домой мертвецки пьяного. Я считал, что мужчина должен уметь надираться. По субботам мы ходили в самый большой ресторан города «Кристалл» и выпивали по 800 граммов коньяка... А что? Я и сейчас выпью шестьсот без проблем, но алкоголиком, как видите, не стал.

(Окончание на 4-й стр.)

Фото А. Азарова

Компьютерный монтаж
рекламной фирмыСОЛИДАРНОСТЬ
ПАБЛИШЕРРАЗМЕЩЕНИЕ РЕКЛАМЫ
НА СТРАНИЦАХ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКА

298-08-70.

ПРИГЛАШАЕМ К СОТРУДНИЧЕСТВУ
РЕКЛАМНЫХ АГЕНТОВ

Окончание. Начало см. на стр. 1.

ЗАВОЕВАТЕЛЬ МОСКВЫ

— Эрнст Неизвестный рассказывал мне, что в конце 60-х вы шли на заказ штаны, что какое-то время подрабатывали портным.

— Абсолютная правда. Перебравшись в 67-м году в Москву, я оказался без средств к существованию. Я ведь в Харькове не только коньяк попивал и магазины грабил, но и с 15 лет стихи писал. Прослушав, что в Москве существует СМОГ — Союз молодых поэтов, рванул в белокаменную. Поэзия поэзией, но жить-то на что-то надо было. А у меня московской прописки нет, что же без нее на работу возьмут? Вот и шил брюки. Научился этому совершенно без чьей-либо помощи, сам. Я никогда не стремился заработать много. Лишь бы хватало на еду да была тридцатка за комнату.

Семь московских лет, пока меня не выставили из страны, были тяжелыми. Сегодня я вспоминаю их в романтическом ореоле, хотя моя первая жена Анна, она делила со мной все эти трудности, в конце концов психологически сломалась, долго лечилась, а в 90-м году покончила с собой, выбросилась из окна.

— Ради чего вы терпели эти лишения?

— Искусство превыше всего. Я ел состоявшие почти из одного хлеба мякотные котлеты по 60 копеек за десяток и мечтал о славе. За первую московскую зиму я похудел на 11 кило. Я несколько месяцев простоял у дверей Дома литераторов, чтобы попасть на семинар Арсения Тарковского. Меня не пускали, гнали, но я все-таки попал. Правда, выяснилось, что Тарковский абсолютно бездарный учитель, его лекции не представляли никакого интереса, более того, он не давал нам свободно читать стихи. А я ведь ехал в Москву, чтобы меня услышали. Словом, я устроил на семинаре восстание...

— Значит, вы не считаете Тарковского своим учителем?

— Нет, конечно. Им был скорее Евгений Крапивницкий, с ним я очень-очень дружил.

— Сегодня вы поэзию оставили?

— Да, совсем. Кстати говоря, то увлечение России поэзией было архаично, в ту пору молодежь всего мира жила уже другим рок-н-роллом.

Я — САВЕНКО

— Оказавшись в 74-м году на Западе, вы поставили перед собой цель зарабатывать на жизнь писательским трудом. Вслед за «Эдикой», рассказывающим о ваших мытарствах в Нью-Йорке, вы издали, если не ошибаюсь, еще 12 книг, героем большинства которых являетесь вы сами. Чем вызван такой повышенный интерес к собственной персоне?

— Надо определиться, что считать автобиографическим произведением. Главное действующее лицо моих книг — Лимонов. Но ведь такого человека не существует в природе. По паспорту я Савенко Эдуард. Точка. А Лимонов, значит, это и герой, и автор. Автобиографические приемы были важны для меня при показе эпохи, среды. Например, в романе «У нас была великая эпоха» маленький сын лейтенанта Эдик только предлог, чтобы показать время конца 40-х. А «Молодой негодай» — это Эдика в Харькове 60-х. Понимаете, страна через героя, это эпоха.

— Кстати, почему Лимонов?

— Это родилось из литературной игры, дело происходило в Харькове, мне был 21 год. Мы с приятелями называли себя... как это называется по-русски?... искусственными фамилиями. Кто-то стал Буханкиным, кто-то Одеяловым, я стал Лимоновым. Так ко мне и прилипло, превратилось в кличку, второе «я» быстро вытеснило первое. Привыкли все, я в том числе. Так и осталось, сегодня поздно уже избавляться. Но если бы мне не нравилась фамилия отца, я мог бы взять материнскую — Зыбина. Так что дело не в этом.

— Читатели меня не поймут, если я не спрошу вас о роли цензурных выражений в вашем творчестве.

— Мат — нормальное средство характеристики героя. Во всех языковых стихиях подобные революции произошли в 30-е годы. Вспомните хотя бы «Тролик Рака» Миллера. Нечто похожее ожидало бы и Россию, но Советская власть со своим пуританизмом затормозила процесс, Мат — это колоссальное оживление языка.

— Значит ли это, что вы таким же образом оживаете и собственную разговорную речь?

— Нет, я вежливый человек, ко всем обращаюсь на «вы». Но если меня обматерят, я отвечаю тем же.

— Тем более удивительно, что вы решили нарушить табу и напечатать непечатное слово.

— Знаете, мне неоднократно предлагали издать «Эдику» с многоточиями на месте матерных выражений. Я отказывался и рад, что сегодня удалось сломать барьер.

Для меня мат — не самоцель. В большинстве моих книг вы не встретите ненормативной лексики. В «Эдике» же показан человек в стесненных обстоятельствах, в глубоком кризисе, на дне жизни. Естественно, что он прибегает к крепким выражениям.

наблюдать, как в России пренебрегают советами тех, кто постоянно обретается на Западе.

— А я как раз этому не удивлен. Логика проста: хитрец, живет в Париже, а нас уговаривает не ехать.

— Я никого не уговариваю, боже упаси. Я зло и насмешливо говорю: попробуйте выехать туда, кому вы там нужны? Сейчас шумят об оттоке советских ученых на Запад. Когда мы прекратим самообольщаться? Там нужны единицы, истинные гении. Остальных ждет судьба таксистов и посудомоек.

— У вас двойное гражданство: вы ситиуан франсэ, но вот уже больше года, как вам вернули советский паспорт. Сегодня Союза нет. Присягнете России?

— Безусловно. Кому же еще?

— Но ведь вы наполовину

жется, вам помог приехать Юлиан Семенов, и он же первым опубликовал вас здесь?

— Почему не пускали, спрашивать надо не меня. Что касается Юлиана Семенова, то мы познакомились на приеме у парижского американца — общего знакомого и разговорились. Семенов предложил: «Давай я тебя напечатаю». Он же меня пригласил в Союз. Он это пообещал и сделал.

Впоследствии наши отношения испортились, он за что-то обиделся на меня...

Юлиан Семенов — первый советский капиталист в книжном бизнесе, сумел организовать доходные предприятия. Разумеется, он из бывших. Я исключение, у меня нет бывшей биографии, я не был ни членом КПСС, ни даже ВЛКСМ. У меня в анкетах про черки — не был, не состоял, не участвовал. А Семенов был. со-

— И Нобелевская премия станет венцом стремлений?

— Нобелевскую мне не дадут, я другого типа писатель, писатель антиистэблшмента. Я отношу себя к взрывателям общественных устоев, а у них обычно трагические судьбы. Вот Бродский — да, это другое дело, он академичен, всегда высказывается за существующий порядок. Даже тот его ленинградский бунт как таковым бунтом не был. Это недоразумение, нон-сенс.

Правда, Нобелевскую премию дали Альберу Камю, этот тоже был достаточно взрывчатый писатель. Черт его знает, может, и я когда-нибудь дождусь.

— Для вас это важно?

— Нет. Сартр вот, к примеру, ведь отказался от премии.

— Тогда что главное?

— Быть автором вот этих книг, лежащих на столе. Вы на-

И чтобы упредить возможные вопросы, повторю еще раз: не следует отождествлять меня с Эдикой. Я не ругаюсь в обществе женщин, я не наркоман и не гомосексуалист. Я семейный человек. Последние 10 лет живу во Франции с женой Натальей Георгиевной Медведевой.

СВОЙ СРЕДИ ЧУЖИХ...

— Как вы устроились в Париже?

— Мы обосновались на крыше дома в старой части города, почти в центре.

— На крыше?

— Ну да, в мансарде, в очень небольшой квартирке общей площадью меньше 50 квадратных. Зато, знаете, наклонные потолки, как в кино. Обычно советские люди, попавая ко мне, разочаровываются. Они считают, что я должен иметь личный самолет, как Шолохов, или хотя бы дачу вроде переделькинских.

— Пишете вы ежедневно?

— Практически да. Обычно работаю по 5-6 часов. Писательство — единственный источник моих доходов. Я состою членом редколлегии французского сатирического еженедельника.

— К Парижу привыкли?

— Да. И давно не замечаю его туристских красот и достопримечательностей, зато вижу те проблемы, которые недоступны взору простого советского человека. Я же сталкиваюсь со всем этим ежедневно. Поэтому мне странно

украинец...

— Я человек русской культуры и патриот Великой России, коей Украина — неотъемлемая часть.

— Ваши родители живут в Харькове. Вы их навещаете?

— В прошлый приезд был. На этот раз пока не удалось вырваться.

— А они к вам в Париж ездили?

— Родители уже старые люди, отказываются. Живется моим старикам несладко, у отца капитанская пенсия, представляет? Раньше я переводил им гонорары за статьи, публикации, но в Союзе, однако теперь на суверенную Украину и переводы не принимают.

ЧУЖОЙ СРЕДИ СВОИХ

— Ваша последняя книга, написанная по впечатлениям от поездки в Союз в 89-м году, называется «Иностранец в родном городе». Вы действительно чувствуете себя здесь чужим?

— Я здесь не чужой. Мне предложили место политического обозревателя в «Советской России». Я хочу большего — участвовать в политическом процессе, заниматься политической.

— Но для этого придется покинуть Францию.

— Я не вижу тут проблемы, мне не впервой менять место жительства. Я выжил, не пропал на Западе, так чего же мне бояться теперь?

— К слову, почему вас так долго не пускали в Союз? Ка-

стоял, участвовал. Но что это, собственно, меняет? Ельцин ведь тоже был и состоял, однако это никого не смущает.

Мне часто на Западе говорили: что же ты общаешься с Семеновым, это же генерал КГБ? А я отвечал, что всю жизнь ментал познать себя с генералом КГБ и жалее лишь, что этот генерал перестроившийся. Я бы предпочитал законченного.

НОБЕЛЕВСКАЯ ПРЕМИЯ — В ПЕРСПЕКТИВЕ

— Вы знакомы с Франсуазой Саган? Это ведь она вместе с другими хлопотала о предоставлении вам французского гражданства.

— С Саган я едва ли перекинулся двумя десятками фраз... такая жеманная комнатная собачка. В свое время она написала книгу, которая якобы произвела определенную мини-революцию во французских нравах. Это было все очень хорошо организовано, ее отец был большим человеком в книжном бизнесе. Это не была какая-то 17-летняя безвестная девушка, пришедшая со стороны. Все ее книги буржуазны и достаточно поверхностны, хотя сама Саган сегодня легенда.

— В 1986 году в одном из интервью на Западе вы сказали, что через пять лет хотите стать писателем-легендой, популярным и узнаваемым. Срок прошел. По-вашему, вы своего добились?

— Думаю, что да.

зываете мои произведения скандальными, но скандальность возникает от несоответствия моих идей и моей эстетики с восприятием читателей.

— Надо полагать, свой стиль вы менять не собираетесь?

— Нет, конечно.

— Значит, можно ждать новых сенсаций?

— Ждите!

ОТ АВТОРА. Через несколько дней я опять звонил в дверь с приклеенным липкой лентой номером. Я принес Лимонову готовое интервью на подпись. В этот день, 22 февраля, Эдуарду исполнилось 49 лет. Как водится, я поздравил именинника. Поблагодарив из вежливости, Лимонов заметил: «Я никогда не праздную собственный день рождения. Не вижу в этом событии ничего, кроме повода напиться».

Лимонов был трезв. На столе лежали рукописи, газеты, книги. Писатель работал.

ВЫНУЖДЕННОЕ ПОСЛЕД-ЛОВИЕ. Как сообщил нам литературный агент Э. Лимонова Александр Шаталов, на днях в Париже было совершено покушение на Наталью Медведеву. Женщина госпитализирована с тяжелыми ранениями лица. Запланированный на 5 апреля приезд Э. Лимонова и Н. Медведевой в Москву отменяется.

Андрей ВАНДЕНКО.

Фото Алексея АЗАРОВА.